

Глава пятая. ДРЕВНОСТИ КОЧЕВНИКОВ ГУННСКОГО И ПОСТГУННСКОГО ВРЕМЕНИ (V— VI вв. н.э.)

1. Памятники гуннского времени

Первые века I тысячелетия н. э. и в Европе и в Азии были ознаменованы значительными передвижениями масс населения. Античные авторы сообщают об участвовавших вторжениях в пределы Римской империи варварских племен готов, квадов, франков, маркоманов, аллеманов и др. Археологически прослежены массовые миграции II—IV вв. в Восточной Европе славянских этнических групп (Матвеева Г. И., 1986).

Однако, в общепринятой историографии начало эпохи великого переселения народов традиционно связывается с именем гуннов, которые в 370-х годах вторгаются в пределы Северного Причерноморья и, подчинив сармато-аланов и вестготов, разгромив оседло-земледельческое население черняховской культуры и Боспорское царство — проникают в Центральную Европу, предвещая скорый развал некогда могучей Римской Империи. Пиком господства гуннов в Европе явилось завоевание ими Паннонии и создание “державы” Аттилы. Битва на Каталаунских полях (451 г.) и смерть Аттилы (454 г.) предопределили в середине V в. распад этой эфемерной “державы”, которая “представляла собой союз разноэтничных и разноязычных племен и народов германского, иранского и тюркского происхождения” (Засецкая И. П., 1994, с. 147).

Следы пребывания гуннов в Европе удалось проследить археологически. Они не столь многочисленны, как ожидалось. В степной и лесостепной зонах Восточной Европы зафиксировано лишь 54 погребальных комплекса (не считая находок отдельных предметов), так или иначе связываемых исследователями с гуннами. Из них в Самарской области найдено два. Такое малое количество материалов гуннского круга объясняется тем, что целенаправленный поиск их практически невозможен: “погребения единичны, не образуют кладбищ. Чаще они впущены в насыпи более древних курганов, реже имеют свою насыпь или вообще не имеют внешних признаков” (Амброз А. К., 1981, с. 11). В этой связи значительную часть имеющихся в настоящее время “гуннских древностей” составляют вещи, происходящие из разрушенных погребений, обнаруженных строителями или местными жителями.

Одним из таковых является Федоровское погребение (?), размытое вешней водой в 1927 г. на территории бывшего Бузулукского уезда Самарской области. Какие либо сведения о характере захоронения отсутствуют. Однако, сохранился комплекс вещевого инвентаря, опубликованный в 1923 г. В. В. Гольмстен (Гольмстен В. В.), хранящийся в настоящее время в фондах Самарского областного краеведческого музея (Инв. ц 54).

Из разрушенного погребения у с. Федоровка происходят следующие предметы:

1. Меч железный короткий (длина клинка — 51,5 см, длина рукояти — 10,5 см) прямой с параллельными лезвиями (ширина клинка 4,0 см, толщина 0,7 см) и плавнозаостренным концом. Сечение клинка линзовидное — без выраженного ребра. Черенок подпрямоугольный в плане и в сечении (10,5 x 2,0 x 0,8 см) с округлым сквозным отверстием (Дм 0,4 см) у основания. В месте соединения клинка с рукоятью имеется утолщение, образовавшееся, вероятно, в результате проковки (табл. 2, 1).

2. Кольчуга, состоящая из железных плоских клепаных колец, каждое из которых соединено (переплетено) с четырьмя соседними. Диаметр колец 1,5—1,8 см (лицевая часть), 1,0—1,2 см (спинная часть). Все кольца подпрямоугольные в сечении. В настоящее время кольчуга сохранилась в виде отдельных фрагментов, некоторые из которых скипелись ржавчиной в комки. Судя по самому большому фрагменту, ширина кольчуги в нижней части (подол) — 40 см, в районе грудной клетки — 54 см, длина переда — от плеча до подола — 88 см. Длина рукава — 23 см, ширина — 18 см (табл. 3, 2).

3. Котел медный тонкий (толщина листа 0,1—0,15 см) круглодонный. В настоящее время изделие находится в сильно окислившемся состоянии. Полусферический корпус его сильно помят, имеется целый ряд разрывов. Диаметр котла — 43 см, высота — 26 см. Верхняя часть котла декорирована уступчиком. Шейка его (1,8—2 см) вертикальная, край отогнут наружу. Судя по описи, котел имел плоскую массивную железную дужку (длина 62 см, ширина 2 см), которая в настоящее время не сохранилась (табл. 2, 2, 3).

4. Удила железные составные в виде двух прямых стержней с загнутыми в петли концами. Железная часть удил в настоящее время не сохранилась. В коллекции СОИМК остались лишь серебряные кольчатые псалии в виде небольших колец диаметром 3,0—3,2 см, слегка утолщенных с одной стороны, которые продевались сквозь петли удил. Каждое из колец имело по два серебряных зажима, один из которых крепился на кожаный ремень повода, другой соединялся с ремнем оголовья. Причем ремни упряжи вставлялись между пластинами зажима и скреплялись при помощи заклепок-гвоздиков длиной 3,8—4,5, шириной — 1,0—1,2 см. Три зажима из четырех были изготовлены из массивных серебряных пластин, первоначальное сечение которых было полукругло-подтреугольным. Таковым осталось сечение кольца зажима, а вот края были прикованы в прямоугольные пластины так, что верхняя (лицевая) пластина была более толстой (1,5 мм), чем задняя (0,7 мм). В пластинах было по два отверстия (Дм 2,0—2,5 мм) для клепки. Четвертый зажим отличался от трех первых. Он был изготовлен из тонкой серебряной (?) жестяной пластины подпрямоугольной формы, которая согнутая пополам охватывала кольцо псалия. В нем было лишь одно отверстие для закрепления ремня. Вероятно четвертый зажим — результат замены старого, сломанного (табл. 4, 8).

5. Железные черешковые трехлопастные наконечники стрел. Из 19 экземпляров, собранных в 1927 г., сегодня в фондах СОИМК сохранилось шесть. Боевые головки наконечников — ромбовидные. У одного верхняя часть боевой головки значительно короче нижней

(тип 1) 2 в по И. П. Засецкой (Засецкая И. П., 1983) у четырех — верхняя часть боевой головки длиннее нижней (тип 1/3 в). У одного ровные края лопастей в верхней части головки и вогнутые в нижней (тип 1/1 Б в). Длина наконечников 5,3—7,5 см, при длине черешков 2,1—3,5 см (табл. 2, 4—9).

6. Наконечник ремня серебряный массивный — не сохранился. Судя по музейной описи ц 211, он был склепан из двух пластин (длина 3,0 см, ширина 2,5 см), загнутых с одной стороны в виде рубчатого валика. На наружной поверхности его имеются перегородки, образующие три кружка и четыре прямоугольника (табл. 4, 6).

7. Четырехугольная бляшка с перегородчатой инкрустацией — не сохранилась. Судя по описи ц 211, она представляла собой серебряную прямоугольную пластину с бортиком, разделенную рядом полушариков, подражающих зерни. Середина пластины занята перегородками в виде кружка с вписанным ромбом из вогнутых линий. По четырем углам пластины были штифтики для прикрепления бляшки к ремню. Длина бляшки — 2,5 см, ширина — 2,0 см (табл. 4, 5).

8. Серебряное колечко диаметром 1,5 см, утолщенное в средней части с висящей на нем бронзовой скобой (сечение — круглое, скобы — прямоугольные (табл. 4, 4)).

9. Обломки тонкой электроновой пластины (от диадемы ?). Судя по описи, в 16 гнездах для вставки камней было девять красных гранатов различной формы: три — бобовидной, два — круглой, два — подпрямоугольной, один — подтреугольной, один — грушевидной. Сегодня на пластинах имеется 12 гнезд и три камня-граната. Все гнезда имеют ободок из крупной зерни (табл. 3, 1).

10. Обломки тонких серебряных пластин подпрямоугольной (7 экз.) и полуовальной формы (1 экз.). На шести пластинах имеется 1—2 отверстия круглой формы.

11. Поясные серебряные накладки (40 экз.) в виде узких прямоугольников (от 2,5 x 0,6 см до 3,0 x 0,6 см) с бортиками-закраинами (высота до 0,3 см). Причем, иногда бортик почти перпендикулярен плоскости накладки, иногда расположен под углом 45°. У двух концов прямоугольной накладки были сквозные отверстия, в которые продевались гвоздики с полыми шляпками (Дм шляпки 0,6 см, высота — 0,4 см). Другая сторона гвоздика, проткнув ремень, расплющивалась на его обратной стороне (фонд драгметаллов СОМК ц 130) (табл. 4, 10—11).

12. Плоское серебряное кольцо, которое, судя по охватывающей его скобе (между пластинами которой сохранились остатки ремня) и поясной накладке (аналогичной вышеописанным), укрепленной на скобе — первоначально было частью поясной гарнитуры. Изделие представляет собой плоское кольцо-основу с напаянным на нее тремя рядами проволоки (Дм 3,5 мм), причем, если срединная проволока была гладкой и овальной в сечении, то два боковых ряда были сделаны из гофрированной проволоки, круглой в сечении. Внешний Дм кольца 8 см, ширина кольца — 1,0 см (табл. 4, 12).

13. Поясная пряжка серебряная массивная сегодня в коллекции музея не обнаружена.

Судя по описи, кольцо рамки было овальное (4,5 x 2,5 см). Язычок “загнутый”. Для скрепления с ремнем служила полукруглая двойная пластина (ширина 2 см), склепанная двумя штифтиками. По краю поверхности пластины вырезан орнамент в виде зубчатой линии (табл. 4, 7).

14. Две серебряные парные пряжки. Кольцо рамки в плане представляет собой подрезанный (в месте соединения с обоймой) полуoval (1,9 x 2,2 см). Сечение рамки — круглое. Рамка сильно утолщена в передней части. Щиток представляет собой подпрямоугольную в плане пластину, охватывающую рамку сзади на манер обоймы. Следует отметить, что лицевая часть щитка в 2,5 раза толще задней пластины и отделана с большей тщательностью. К ремню пряжки крепились при помощи двух заклепок-гвоздиков, расположенных по срединной оси щитка. Язычок хоботовидный, далеко выступает за рамку, круглый в сечении с уступчиком у основания (табл. 4, 1, 3).

15. Серебряная округлорамчатая трехсоставная пряжка, близкая по форме вышеописанным. Однако, округлая рамка (2,0 x 1,8) заметно менее утолщена в передней части, а подпрямоугольная пластина-обойма (2,5 x 1,1 см) изготовлена из жести одинаковой толщины (лицевая и задняя) и с большей небрежностью, нежели у вышеописанных пряжек. Язычок хоботовидный, сильно выступает за рамку, округлый в сечении, с уступчиком у основания (табл. 4, 9).

16. Серебряная трехсоставная пряжка с В-образной в плане и восьмигранной в сечении рамкой. Трапецевидная в плане пластина обхватывает рамку сзади на манер обоймы. Конец ремня вставлялся между пластинами обоймы и закреплялся при помощи двух заклепок-гвоздиков. Задняя и лицевая часть обоймы идентичны. Хоботовидный язычок плотно ложится на переднюю часть рамки. У основания язычка имеется выступающая площадочка. Сечение язычка в средней части пятигранное (табл. 4, 2).

В. В. Гольмстен отнесла Федоровское погребение к периоду великого переселения народов и датировала V в. (Гольмстен В. В., с. 134—135).

И сегодня, по прошествии более чем 60 лет с момента этой публикации В. В. Гольмстен, многие аспекты интерпретации Федоровского комплекса остаются не вполне решенными. В частности, его дата так и осталась одним из пунктов разногласий в известной дискуссии А. К. Амброза и И. П. Засецкой, предметом которой явилась хронология древностей эпохи великого переселения народов.

В периодизации раннесредневековых кочевнических древностей А. К. Амброза Федоровский комплекс был отнесен к памятникам 2 хронологической группы (ХГА—II), датированной автором с рядом оговорок VI—VII вв. (3, с. 14—16), а в более поздней работе VI — серединой VII вв. (6, с. 78). Если дата материалов ХГА—1 (V в.) ни у кого из специалистов не вызывает сомнений, то спорность хронологии ХГА—II признавал сам А. К. Амброз (Амброз А. К., 1981, с. 21). Вместе с тем, если бы автор перенес Федоровское погребение в ХГА—1 (а возможность этого была заложена в самой типологии вещей (мечи,

удила, поясные наборы), разработанной А. К. Амброзом (Амброз А. К., 1981), то целый ряд противоречий хронологического плана удалось бы снять. На отдельные моменты несоответствия типологии и хронологии А. К. Амброза (в частности, в оценке удил из Федоровского комплекса (Засецкая В. П., 1986) обратила внимание И. П. Засецкая, которая в своей хронологической системе древностей гуннского круга помещает Федоровское захоронение в хронологическую группу 16 (ХГЗ 16) и рассматривает его как местный вариант данной группы, в отличие от северопрichernоморских находок этой группы, принадлежащей к иной этнокультурной традиции (Засецкая И. П., 1994, с. 115). Географическое положение, по мнению исследовательницы, (лесостепь Самарского Заволжья, близость Прикамья) “объясняет общность некоторых материалов федоровского комплекса с прикамскими древностями IV—V вв.” (Засецкая И. П., 1994, с. 115). Уточняя дату Федоровского погребения, И. П. Засецкая пишет, что оно “могло иметь место и в середине и в конце V в.” (Засецкая И. П., 1994, с. 116). Такая дата несколько выбивается из общего контекста монографии — группа ХГЗ 1а синхронна группе ХГЗ 16 и датируется в пределах последней четверти IV — первой половины V в. (Засецкая И. П., 1994, с. 116), хотя, вероятно, и может быть оправдана его периферийным характером.

Датировка Федоровского комплекса, предложенная И. П. Засецкой представляются нам наиболее обоснованной, но нуждающейся в дальнейшем уточнении. Возможности такового видятся на пути более тщательного анализа вещевого инвентаря, в частности, пряжек этого погребения.

Сегодня, когда фонды СОМК стали вновь доступными (после переезда музея в новое здание) и появилась возможность работать с материалом непосредственно, а не по прорисовкам более чем полувековой давности — вопрос об уточнении даты Федоровского комплекса вновь приобрел актуальность, ибо в свете теперешних представлений о раннесредневековой хронологии — важны даже малейшие детали морфологии вещи. В частности, изучение деталей эволюции пряжек, позволило сделать их надежным датирующим материалом для эпохи “великого переселения народов” (Ковалевская В. Б., 1979; Богачев А. В., 1992).

В настоящее время в фонде драгметаллов СОМК хранятся четыре трехсоставные серебряные пряжки из Федоровки. Интересно, что одна из них — В-образная (табл. 3, 2) по своим морфологическим особенностям близка пряжкам тезиковского этапа (III—IV вв.) эволюции средневожских поясов (Богачев А. В., 1992). Две парные овальнорамчатые пряжки — типичны для материалов тураевского этапа (V — первая половина VI в.) (Богачев А. В., 1992). А одна округлоямчатая пряжка несет на себе черты как той, так и другой группы изделий. Такое сочетание морфологических особенностей характерно для материалов федоровского этапа (первая четверть V в.) типологического развития поясной гарнитуры Среднего Поволжья (Богачев А. В., 1992, с. 149).

Пряжки федоровского (переходного) этапа в целом сохраняют морфологические традиции изделий предшествующего времени. Однако, у них появляются новые язычки — хоботовидные, нависающие над рамкой, не прогнутые в средней части и с уступчиком, а не с

площадочкой у основания. Такие язычки являются неотъемлемой частью пряжек тураевского этапа. А поскольку нижние хронологические границы переходного и следующего за ним этапа совпадают, постольку фактически это означает то, что пряжки тураевского этапа появляются тогда, когда пряжки тезиковского этапа еще остаются в быту. Самая тонкая деталь трехсоставных пряжек — язычок — ломалась быстрее, и подлежала замене (не выбрасывать же всю пряжку!). Однако, поскольку в это время мастера отливали детали пряжек уже нового типа, постольку и сношенные язычки на старых пряжках заменялись новыми — хоботковыми. Таким образом складывалась особая морфология пряжек переходного федоровского этапа эволюции пряжек.

Определение даты Федоровского комплекса по пряжкам в пределах первой четверти V в. не противоречит более широким датировкам других вещей из этого погребения.

Еще одно погребение “гуннского круга” было исследовано отрядом Средневожской археологической экспедиции под руководством И. Б. Васильева в 1974 г. во время раскопок Владимировского курганного могильника эпохи бронзы в Хворостянском районе Самарской области на правом берегу р. Чагры. Все материалы комплекса были опубликованы В. А. Скарбовенко в 1979 г. (Скарбовенко В. А., 1973).

Погребение 2 было впускным в самом большом кургане (ц 4) могильника. На глубине 1,0 м от уровня современной поверхности был расчищен костяк ребенка 3—5 лет, лежавший на спине головой на СЗС. Ноги его были согнуты в коленях так, что образовывали в плане ромб. Лучевая кость правой руки находилась на тазовых костях. Погребальный инвентарь был расположен в 0,6 м к югу от костяка и находился по правую сторону и несколько выше уровня скелета, то есть вероятно на краю могильной ямы, контуры которой не прослеживались. Все предметы спеклись в один комок и носили явные следы воздействия огня — между ними попадались отдельные угольки и вкрапления золы. Судя по отсутствию следов кострища, вещи были обожжены на стороне, а затем положены в могилу. Как отметил автор публикации: “мы имеем здесь редкое сочетание обряда труположения с частичным обожжением вещей на стороне и последующим помещением их рядом с захороненным” (Скарбовенко В. А., 1973, с. 165).

В состав погребального инвентаря входили следующие предметы:

1. Звено удила, изготовленное из толстого бронзового прута с заостренными концами (табл. 5, 10). Сечение прута в средней части квадратное, на концах — овальное. Концы прута загнуты в кольца во взаимоперпендикулярных плоскостях.

2. Смятые и изорванные фрагменты двух треугольных в плане обкладок луки седла, изготовленных из золотой фольги (табл. 5, 13). Одна из обкладок восстанавливается почти полностью. Длина ее основания — 13 см, высота — 4,8 см. Края обкладок окаймлены штампованным орнаментом в виде волот со слабо закрученными концами, центральная часть покрыта чешуйчатым орнаментом, выполненным в технике мелкого зубчатого штампа.

3. Два фрагмента ленты, изготовленной из тонкой золотой фольги, шириной 3 см (табл. 5, 12). Лента украшена чешуйчатым орнаментом, но более крупным, нежели на обкладках луки седла. Назначение ленты неясно.

4. Двенадцать накладок прямоугольной формы, изготовленных из бронзовой пластины, обтянутой сверху золотой фольгой (табл. 5, 7—8). Накладки украшены тисненым орнаментом. Длинные стороны накладок окаймлены ложной веревочкой, короткие — рубчиком; внутреннее поле накладок украшено рядами зерновидных оттисков. В углах накладок имеются круглые сквозные отверстия (для крепления?). Полагают, что подобные накладки служили украшением уздечных ремней.

5. Три круглые бляхи, на каждой из которых изображено человеческое лицо, окаймленное рубчатым валиком (табл. 5, 9). Одна из них целая, две другие — в обломках. Бляхи изготовлены из бронзовой пластины, обтянутой сверху золотой фольгой. Диаметр изделий — 6 см, каждое имеет по четыре сквозных отверстия для прикрепления к предмету-основе. Изображения лиц выполнены тиснением. Волосы, брови и узкая борода переданы рубчиками. Считается, что такого рода бляхи являлись украшениями конской сбруи.

6. Железные наконечники стрел — семь экземпляров (табл. 5, 1—6). Один из них — плоский, ромбический с уступчиком у основания головки, имеющий хорошо выраженное ребро на одной стороне головки, и неглубокий желобок — на другой. Длина головки наконечника — 4,6 см. Остальные наконечники были трехлопастными, черешковыми с ромбическими головками. Три наконечника из шести имеют уступ при переходе от черешка к основанию головки. Наконечники крупные, длина головки колеблется от 4,8 до 6 см, и лишь один наконечник имеет длину головки 3,5 см.

Одни наконечники — приземистые с широкими лопастями, ромбический излом пера приходится примерно на середину длины головки; другие — более узкие, удлиненных пропорций, излом пера смещен к верхней части головки. У двух наконечников края лопастей были вогнутыми. В классификации И. П. Засецкой наконечники из Владимирского комплекса были отнесены к следующим типам: 1/1,А,а; 1/1,А,б; 1/1,Б,а; 1/2, а; 1/3,в; (Засецкая И. П., 1983, с. 74)

7. Десять накладок прямоугольной формы (табл. 4, 11) из тонкой золотой фольги. Орнаментированы они тиснением. Орнамент имеет вид косой ромбической сетки. Края накладок загнуты для крепления на твердой основе. По своему назначению эта группа накладок, вероятно, являлась украшением уздечных ремней.

Определить время совершения Владимирского погребения исходя из материалов самого комплекса в настоящее время не представляется возможным из-за отсутствия в нем узко датированных вещей. Вместе с тем, можно попытаться найти его место в типологической системе древностей “гуннского круга”.

И. П. Засецкая поместила Владимирское погребение в ХГЗ 2 (вместе с материалами из курганов 17, 18 у г. Покровска, кургана 3 у станции Шипово и колхоза “Восток”) отличитель-

ными особенностями которой являются бляхи с изображением “личины” и прямоугольные пластины, украшенные рядами зерновидных и катушечновидных фигур, а также почти полное отсутствие вещей полихромного стиля (Засецкая И. П., 1994, с. 126).

Интересно, что в последней монографии А. К. Амброза ХГА — П по составу комплексов почти совпадает с ХГЗ 2 (лишь могила 3 кургана 4 у с. Верхнепогромное не входит в ХГЗ 2, а комплекс из “Восхода” отсутствует в ХГА — П). Как отмечает автор: “степные погребения группы П отличаются прежде всего металлическими накладками, обтянутыми, как в гуннское время, золотой или тисненой фольгой, но с иным, пока не найденным в комплексах V в. выпуклым узором” (Амброз А. К., 1989, с. 74).

Однако, абсолютные даты этой группы степных древностей а, следовательно, и Владимировского комплекса у И. П. Засецкой и А. К. Амброза далеко не совпадают: ХГЗ 2 — вторая половина V в. (Засецкая И. П., 1994, с. 128) ХГА — П — VI — середина VII вв. (Амброз А. К., 1989, с. 81—82). Показательно, что в качестве основного хронологического индикатора авторы использовали пряжки, хотя привлекались и другие вещи.

Действительно, цельнолитные пряжки из Шипова (курган 3) и Верхнепогромного занимают особое место в дискуссии с верхней хронологической границе гуннских древностей.

Дело обстоит таким образом, что если, вслед за А. К. Амброзом (Амброз А. К., 1989, с. 76), поместить эти пряжки в разряд “геральдических”, то поздняя дата гуннских комплексов автоматически поднимется до второй половины VI — VII вв. (эта датировка вещей геральдического стиля является общепризнанной). Если же мы, как и И. П. Засецкая, не согласимся с такого рода определением пряжек из Шипова и Верхнепогромного, то будем вынуждены признать, что во второй половине VI в. в южнорусских степях гуннских вещей уже не было. (И. П. Засецкая ограничивает эту дату началом VI в.).

Поскольку вопрос о типологической идентификации названных пряжек является принципиальным в плане определения поздней даты гуннских комплексов, обратимся к аргументации авторов.

Говоря о пряжках из Шипова и Верхнепогромного как о геральдических, А. К. Амброз пишет: “все признаки украшений этого рода налицо: предметы сделаны из листа металла, рамка и щиток — из одного куска, имитирует массивные тяжелые вещи с толстыми широкими рамками” (Амброз А. К., 1989, с. 76).

И. П. Засецкая считает, что “можно говорить с уверенностью о том, что данные пряжки не являются репликами геральдических пряжек VI—VII вв.” (Засецкая И. П., 1994, с. 91). По ее мнению для изделий геральдического типа не характерны “такие признаки как рубчатый орнамент, рифленые рамки, применение золотого покрытия”; и напротив — “характерно наличие скошенных граней по краям рамки и щитка” (Засецкая И. П., 1994, с. 91). Кроме того, различны и способы крепления к ремню шиповских (при помощи сквозных заклепок-

гвоздиков) и геральдических (при помощи внутренних шпеньков, отлитых вместе со щитком) пряжек (Засецкая И. П., 1994, с. 91).

Точка зрения И. П. Засецкой по этому вопросу нам кажется наиболее аргументированной (Богачев А. В., 1992, с. 70). Но мы не вполне разделяем вывод о том, что шиповские пряжки относятся к V в. и “продолжают традиции сармато-гуннской эпохи” (Засецкая И. П., 1994, с. 91), поскольку в Восточной Европе в комплексах достоверно V в. пряжки с выпукло-вогнутыми рамками не известны. В качестве примера можно привести материалы из достоверно непереотложенных закрытых комплексов раннесредневековых могильников Прикамья и Северного Кавказа, хронология которых изучалась целенаправленно. На Верхней Каме в погребениях ломоватовской культуры первые образцы (2 экз.) пряжек с выпукло-вогнутыми рамками появляются лишь в материалах VI в. (поздняя фаза харинского этапа) (Генинг В. Ф., Голдина Р. Д., 1973, табл. 4 — 24, 25). В погребениях (цф 374, 259, 410) могильника Дюрсо близ г. Новороссийска самые ранние пряжки с выпукло-вогнутым сечением рамки по фибулам датированы временем не ранее второй трети VI в. (Дмитриев А. В., 1982, рис. 11—17). Причем, пряжки из погребений 259 и 410 были цельнолитными, а из погребения 373 — трехсоставными с гофрированной рамкой, но и те и другие крепились к ремню при помощи заклепок-гвоздиков. Совокупность всех признаков названных пряжек из Дюрсо не позволяет безоговорочно отнести их к разряду геральдических. Не случайно в матрице взаимовстречаемости предметов в комплексах с фибулами (Дмитриев А. В., 1982, с. 96) они заняли место за трехсоставными округлорамчатыми пряжками (II этап периодизации Дюрсо — первая треть VI в.) и перед геральдическими пряжками (IV этап — последняя треть VI — VII в.). По всей видимости, лишь малочисленность такого рода пряжек на могильнике не позволила А. В. Дмитриеву, отнесшему их к разряду геральдических, выделить эти пряжки в особую группу переходного характера.

Заметим, что исследователями уже обращалось внимание на отдельные случаи находок пряжек этого переходного типа (Васкул И. О., 1985; Богачев А. В., 1990). Специальный анализ эволюции поясных наборов (259 пряжек) Среднего Поволжья (Богачев А. В., 1992; Богачев А. В., 1992а) позволил выделить компактную группу пряжек (47 экз.), локализованную в матрице между трехсоставными и геральдическими пряжками и несущую на себе признаки как той, так и другой типологических групп. Такой подход позволил говорить не о случайном, а о закономерном характере существования в Восточной Европе переходной группы поясных принадлежностей “предгеральдического стиля”.

Пряжки из Шипова и Верхнепогромного необходимо отнести в разряд предгеральдических, так как их морфология, с одной стороны, действительно восходит к старым стереотипам изготовления трехсоставных пряжек (см. аргументацию И. П. Засецкой); с другой — и в них выкристаллизовываются новые стилистические традиции, которые в полной мере проявились в последующее время в поясах геральдического типа (см. аргументацию А. К. Амброза).

Говоря об абсолютной дате пряжек из Шипова и Верхнепогромного, следует иметь в виду,

что нижняя хронологическая граница изделий переходной группы (предгеральдической), по всей видимости, должна совпадать со временем появления первых реплик геральдических украшений. Дата появления последних в настоящее время определяется в пределах второй половины VI в. Временные рамки бытования переходной группы пряжек не должны превышать 25—50 лет (Богачев А. В., 1992, с. 159). А с учетом того, что в комплексах Дюрсо такие пряжки встречаются с фибулами второй трети VI в., можно предположить, что наиболее вероятная дата совершения захоронений в Шипове и Верхнепогромном — третья четверть VI в. Поскольку эти погребения являются наиболее поздними (судя по пряжкам) в серии древностей “гуннского круга”, постольку верхнюю хронологическую границу всех этих материалов, на сегодняшнем уровне знаний следует определить в пределах третьей четверти VI в.

Однако, могущество гуннов заканчивается в последней трети V в. — они сходят с политической арены и, как следствие, перестают упоминаться в хрониках. Насколько же корректен термин “гуннские” в отношении древностей кочевников VI в.?

Действительно, византийские источники VI в. сообщают, что в это время восточноевропейские степи заняли кочевые племена сарагуров, урогов, сногуров, болгар, сибир, утигуров, кутригуров и др. Вместе с тем, следует отметить, что утигуры и кутригуры, упомянутые Прокопием Кессарийским и Агафием Миринейским, рассматриваются в качестве потомков гуннов (Засецкая И. П., 1994, с. 149). Важно и то, что много лет племена болгар и сабир носят приставку — “гунно” ..., то есть “причислять к гуннам в VI в. было гордо” (Гумилев Л. Н., 1993, с. 124).

В этой связи, логично допустить, что “гуннский стиль” еще какое-то время (до третьей четверти VI в.) сохранился в манере одеваться, носить оружие, украшать упряжь боевого коня у тюркской родовой знати (все комплексы “гуннского круга” VI в. содержат достаточно богатый инвентарь).

Появление новой моды в степи (в частности на наборные боевые пояса геральдического типа) связано, вероятно, с усилением могущества I Тюркского каганата во второй половине VI — первой половине VII вв.

Таким образом, начиная с рубежа IV—V вв. лесостепные районы Самарского Заволжья входят в зону влияния “гуннского мира”, являясь его периферией (Федоровка). По всей видимости, таковой они продолжают оставаться вплоть до третьей четверти VI в. (Владимировка).

2. Памятники постгуннского (раннетюркского) времени

Послегуннское время в раннесредневековой археологии остается наименее изученным периодом, и, прежде всего, по причине узости источниковой базы: кочевнические комплексы второй половины VI — первой половины VII вв. в Восточноевропейской степи крайне редки и неоднородны.

Последнее обстоятельство возможно объяснить, с одной стороны, оттоком значительной

части кочевнического населения на запад вместе с гуннами и аланами; с другой — усилением в 70-х годах VI в. власти Тюркского каганата и распространением его влияния вплоть до Северного Кавказа и Северного Причерноморья, что и изменило демографию региона.

Так или иначе, но с середины VI в. (конец гуннской эпохи) и до второй половины VII в. (начало раннеболгарского времени) в Поволжских степях не было сколь-нибудь крупного этнокультурного образования, выявленного археологически. Известны лишь отдельные разнобрядовые подкурганые захоронения, объединенные только хронологическим горизонтом.

Самое северное кочевническое захоронение этого времени в регионе было исследовано в 1985 г. отрядом Самарского госуниверситета под руководством В. А. Скарбовенко около д. Новоселки Буинского района Татарстана. Погребение было впущено в курган эпохи бронзы и было зафиксировано на глубине -0,9 м от 0 в северо-восточном секторе насыпи. Контуры могильной ямы не прослеживались.

Погребенный лежал вытянуто на спине головой на север-северо-восток (табл. 2, 1). Левая рука была вытянута вдоль тела, предплечье правой помещалось на тазовых костях. Под костями скелета местами сохранились следы подстилки из дерева. В ногах обнаружены кости барана.

Сопровождающий инвентарь состоял из металлических предметов и остатков кожаных ремней, входивших первоначально в поясной набор. Бронзовый прямоугольный с закругленным концом, полый внутри и прямоугольный в сечении наконечник ремня находился под плечевой костью левой руки (табл. 2, 4). Найдена также бронзовая пряжка с подвижным язычком, полукруглым щитком-обоймой и выпукло-вогнутой трапецевидной рамкой (табл. 2, 2). Другая железная пряжка имела овальную в плане и круглую в сечении рамку, утолщенную в передней части, а также хоботовидный язычок, выступающий за рамку (табл. 2, 2)

Дата Новоселовского погребения (вторая половина VI в.), была определена по бронзовой пряжке предгеральдического стиля (Богачев А. В., 1990). Детали погребального обряда находят ближайšie аналогии в материалах турбаслинской культуры Приуралья (Богачев А. В., 1990).

Погребение 2 из кургана 6 Преполовенковского курганного могильника также было впущено в насыпь, сооруженную в эпоху бронзы (табл. 2, 5). Памятник находился в 3 км к северо-западу от с. Преполовенка Безенчукского района Самарской области. Кочевническое захоронение прорезало основное погребение эпохи бронзы, находившееся в центре кургана (Дм 8,8; высота 0,25). Могильная яма имела овальную форму (3,2 x 1,5 м), глубину -1,05 м и было ориентировано по линии север-юг. В заполнении встречались кальцинированные кости и раковины. На глубине 0,9 м от уровня материка вдоль восточной стенки могильной ямы шел уступ, на котором в его южной части находились череп и кости ног крупного рогатого животного (быка?), покрытые берестой. В северной части уступа лежал череп козы

и другие кости животного. Кости крупного животного были обнаружены и в небольшом подбое в южной стенке могилы. Скелет погребенного лежал на дне могилы вытянуто на спине, головой на север, руки вытянуты вдоль тела (табл. 2, 6). К востоку от скелета лежали в анатомическом порядке конечности ног собаки (волка?). Здесь же отмечено скопление кусочков мела и угля. В 15 см слева от черепа лежал фрагмент зеркала из белого металла диаметром 5—5,5 см с ячеистым орнаментом на обратной стороне (табл. 2, 7). Справа от костяка, в непосредственной близости от таза были найдены сильно окислившиеся обломки железного ножа с деревянной рукояткой.

По мнению автора публикации комплекса И. Н. Васильевой, погребение датируется концом IV — VII вв. (Васильева И. Н., 1979). Определяя эту дату, автор, прежде всего, опиралась на датировки аналогичных зеркал юга Восточной Европы из сармато-аланских комплексов. Ввиду того, что датировка последних в настоящее время была несколько уточнена, сейчас представляется возможность сузить дату Преполовенковского комплекса. В частности, во вновь разработанной В. Б. Ковалевской хронологии могильника Мокрая Балка, весь материал был сгруппирован в 13 фаз на основании распределения типов и вариантов керамики (Ковалевская В. Б., 1995, табл. 13). В таблице зеркала, аналогичные преполовенковскому оказались помещенными в 1 и 7 фазы могильника, где они взаимодействуют с пряжками предгеральдического стиля (Ковалевская В. Б., 1995, табл. 13 — 41, 42) второй половины VI в. (Богачев А. В., 1992) и геральдическими поясами (Ковалевская В. Б., 1995, табл. 13 — 34, 94), верхняя дата которых определяется в пределах второй половины VI — конца VII в.

Поскольку идентифицировать погребальный обряд преполовенковского комплекса в настоящее время не представляется возможным (хотя отдельные детали его известны у многих кочевых культур), датировка зеркала пока остается единственным основанием для включения погребения в группу постгуннских (раннетюркских) захоронений.

Третье захоронение послегуннского времени в Самарском Заволжье было исследовано в кургане 4 Кировского I курганного могильника. Памятник расположен в 1,5 км к северо-западу от центральной усадьбы совхоза им. С. М. Кирова Красноармейского района Самарской области, на высокой коренной террасе. Большинство курганов могильника относятся к эпохе бронзы и раннего железного века. Курган 4 имел диаметр 12 м при высоте 0,2 м. На уровне древней поверхности было зафиксировано сооружение из березовых жердей диаметром 5—7 см, расположенных радиально в виде кольца шириной 1,5—2,5 см. В центре кургана деревянных плашек не зафиксировано. В центре кургана находилась могильная яма подпрямоугольной в плане формы (2,1 x 0,7 м), глубиной 2,2 м, ориентированная по линии север-северо-восток — юго-юго-запад. У восточного края могилы был выявлен фасолевидный в плане выкид мощностью 0,15 м. На глине выкида встречались кусочки древесного угля. Погребение полностью разрушено. В северной части могилы на дне найдены фаланги пальцев и верхняя часть человеческого черепа очень вытянутой формы (искусственно дефор-

мированный²). Вещей в могиле не было, однако, в разных местах сооружения на жердях и под ними найдено восемь накладок из белого сплава, слегка покрытых окисью меди (табл. 2, 9—13) и одна пастовая голубая пастовая сферическая бусина с круглыми белыми глазками и расходящимися от центра глазка сферическими лучами (табл. 2, 14).

И. Н. Васильева, опубликовавшая комплекс, отнесла его к концу IV — VII вв. (Васильева И. Н., 1979, с. 206). Основанием для датировки явились ременные металлические украшения, аналогичные пластинам из погребения конца IV — первой половины V в. у бывшего г. Карлмаркштадт. Действительно, морфологическая близость одного типа накладок очевидна. Вместе с тем, Кировское погребение нельзя включать в “гуннскую серию” памятников. С одной стороны — в комплексе отсутствуют вещи полихромного стиля и вещи обтянутые золотой фольгой с тиснением; с другой — в гуннских древностях отсутствуют глазчатые пастовые бусы, которые скорее характерны для народов юга Восточной Европы, с которыми гунны воевали. Кроме того, погребальный обряд, зафиксированный в кургане не находит аналогий у гуннов. Ближайшие аналогии подкурганному сооружению из жердей мы находим в Шиловском курганном могильнике VII в. в Ульяновской области (раскопки Р. С. Багаутдинова).

Наиболее вероятная дата кировского комплекса — VI в., так как с одной стороны, металлические части ремной гарнитуры выполнены в традициях догеральдических поясов (форма, способ крепления и т. д.); с другой — именно в этот период начинают распространяться глазчатые бусы: глазчатых бус в памятниках VI—VII вв. меньше и встречаются они в погребениях реже, чем в VIII—IX вв. (Деопик В. Б., 1961, с. 231).

Трудно сказать, чем вызвано появление в VI в. в Среднем Поволжье различных по погребальному обряду и инвентарю отдельных кочевнических подкурганых захоронений. Не исключено, что это представители малочисленных родов, не пожелавших подчиниться власти правителей I Тюркского каганата и ушедших на север в районы, не контролируемые ими. Если это действительно так, то нижняя хронологическая граница всех этих комплексов ограничивается последней третью VI в., поскольку именно в 70-е годы VI в. власть Тюркского каганата распространяется далеко на запад, в том числе и в Поволжские степи.

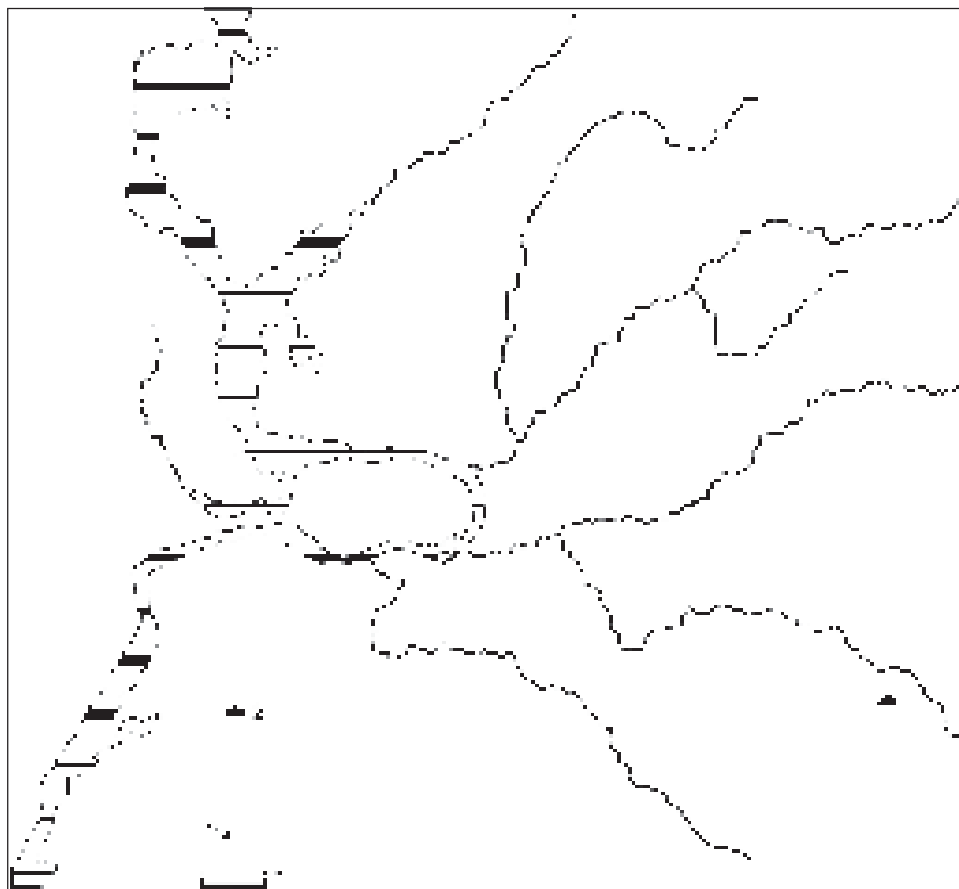

Таблица 1. Карта к очерку "Древности гуннского времени"
1 — Федоровское погребение; 2 — Владимировское погребение.

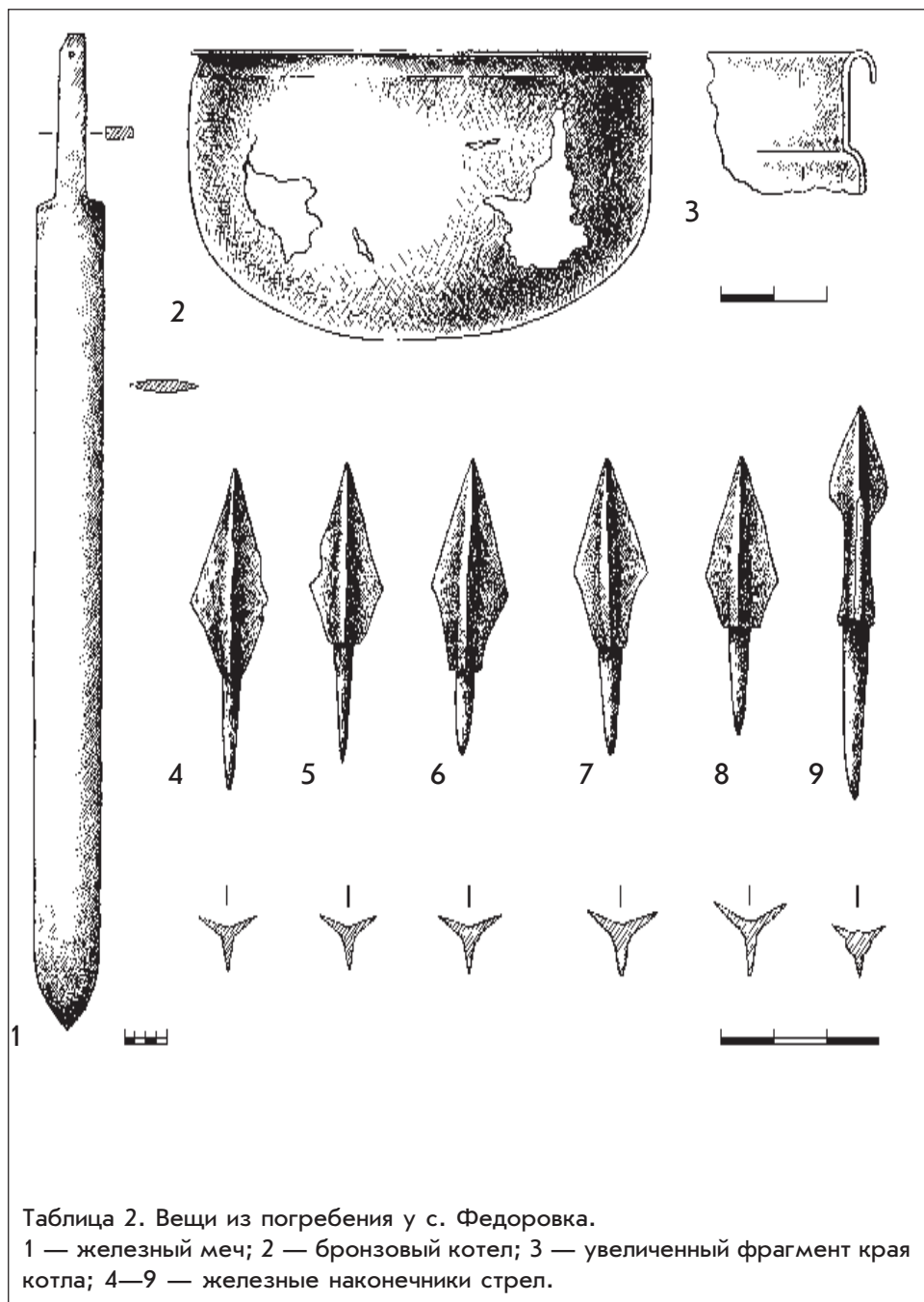

Таблица 2. Вещи из погребения у с. Федоровка.

1 — железный меч; 2 — бронзовый котел; 3 — увеличенный фрагмент края котла; 4—9 — железные наконечники стрел.

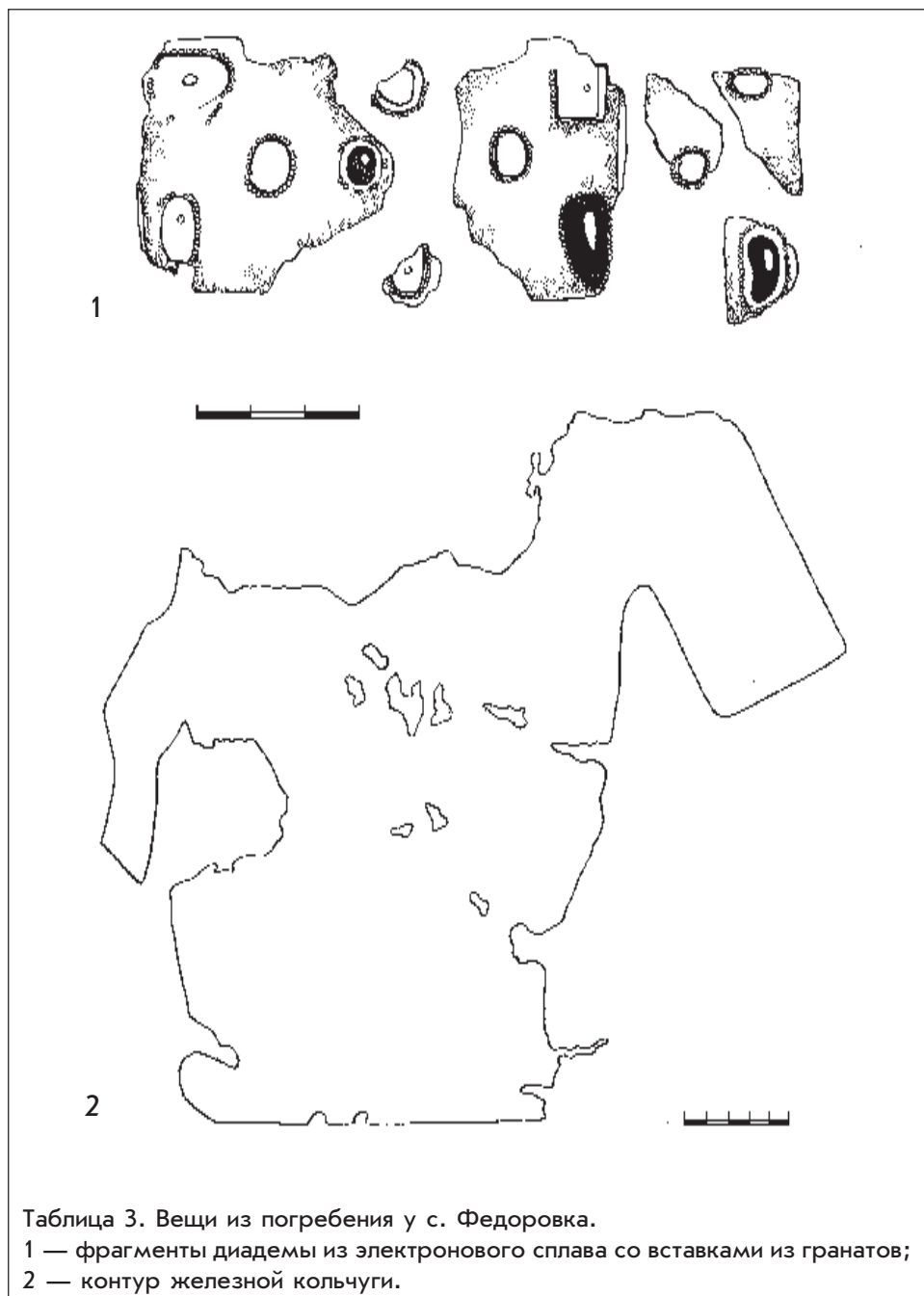

Таблица 3. Вещи из погребения у с. Федоровка.

- 1 — фрагменты диадемы из электронового сплава со вставками из гранатов;
- 2 — контур железной кольчуги.

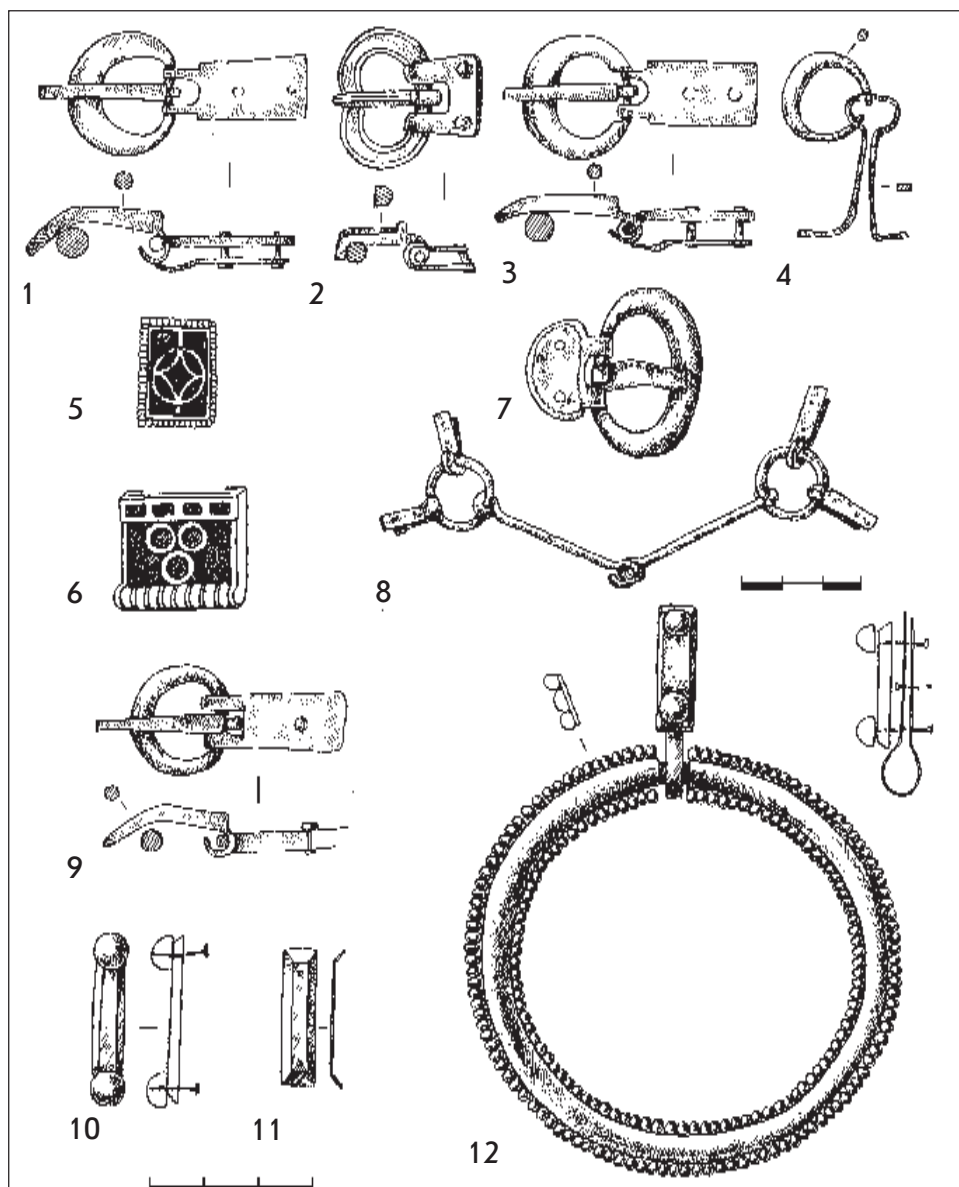

Таблица 4. Вещи из погребения у с. Федоровка.

1—3, 7, 9 — серебряные пряжки; 4 — серебряное кольцо со скобой; 5 — серебряная поясная накладка; 6 — серебряный наконечник пояса; 7 — железные удила с серебряными скобами; 10—11 — серебряные поясные накладки; 12 — серебряное кольцо.

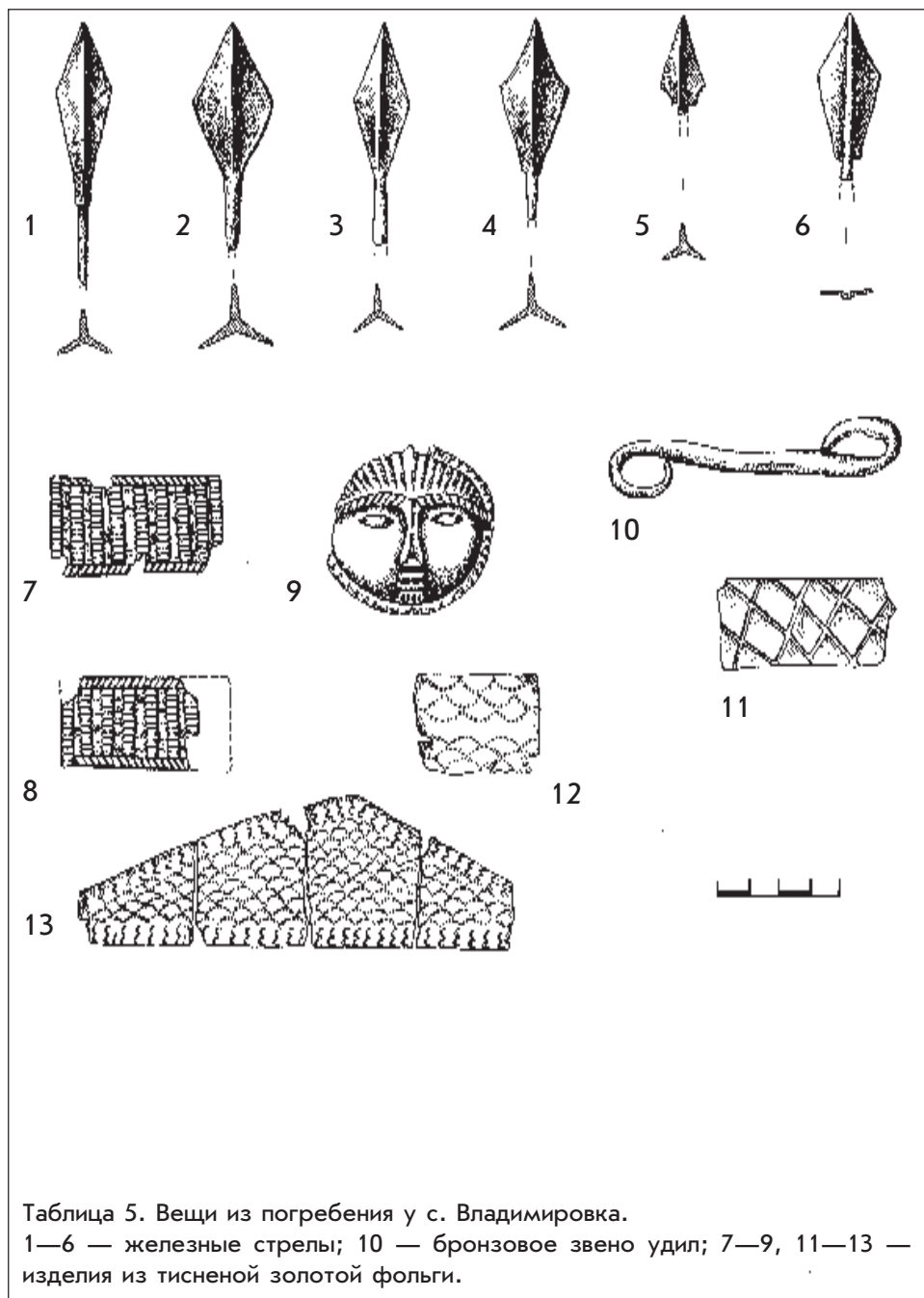

Таблица 5. Вещи из погребения у с. Владимировка.
1—6 — железные стрелы; 10 — бронзовое звено удил; 7—9, 11—13 — изделия из тисненой золотой фольги.

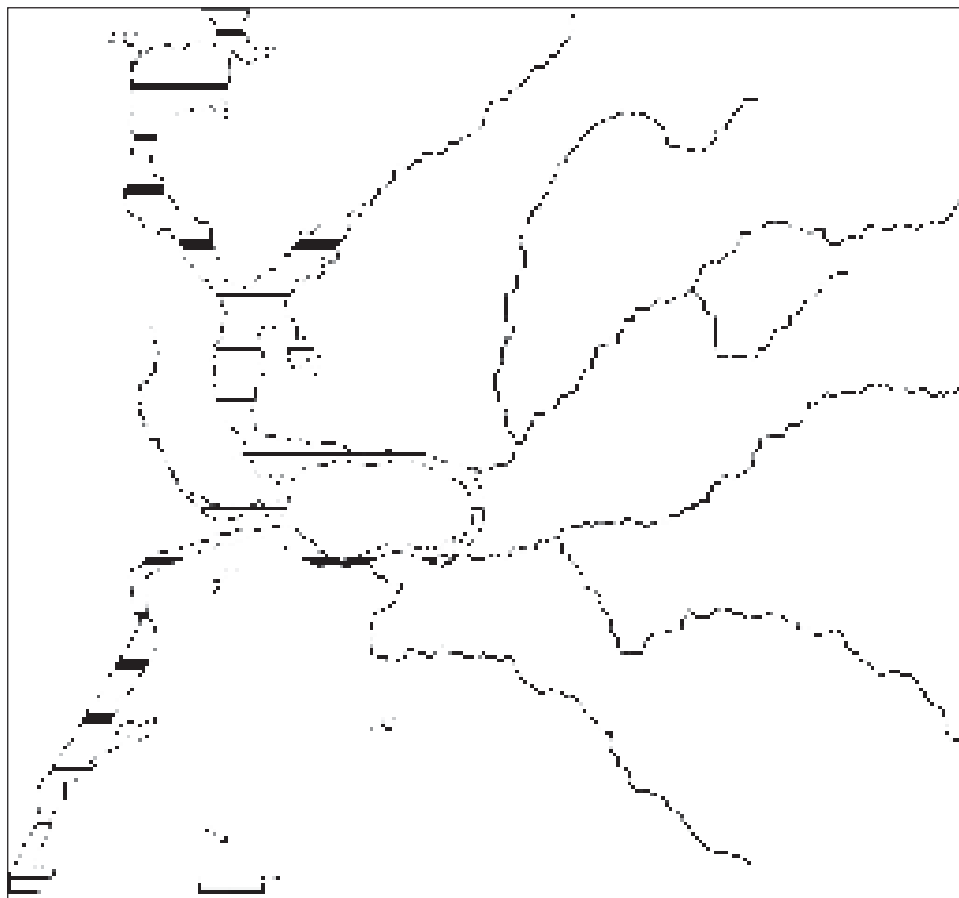

Таблица 6. Карта к очерку "Памятники постгуннского (раннетюркского времени).

1 — Кировский I могильник; 2 — Преполовенковский могильник; 3 — Новоселковский могильник.

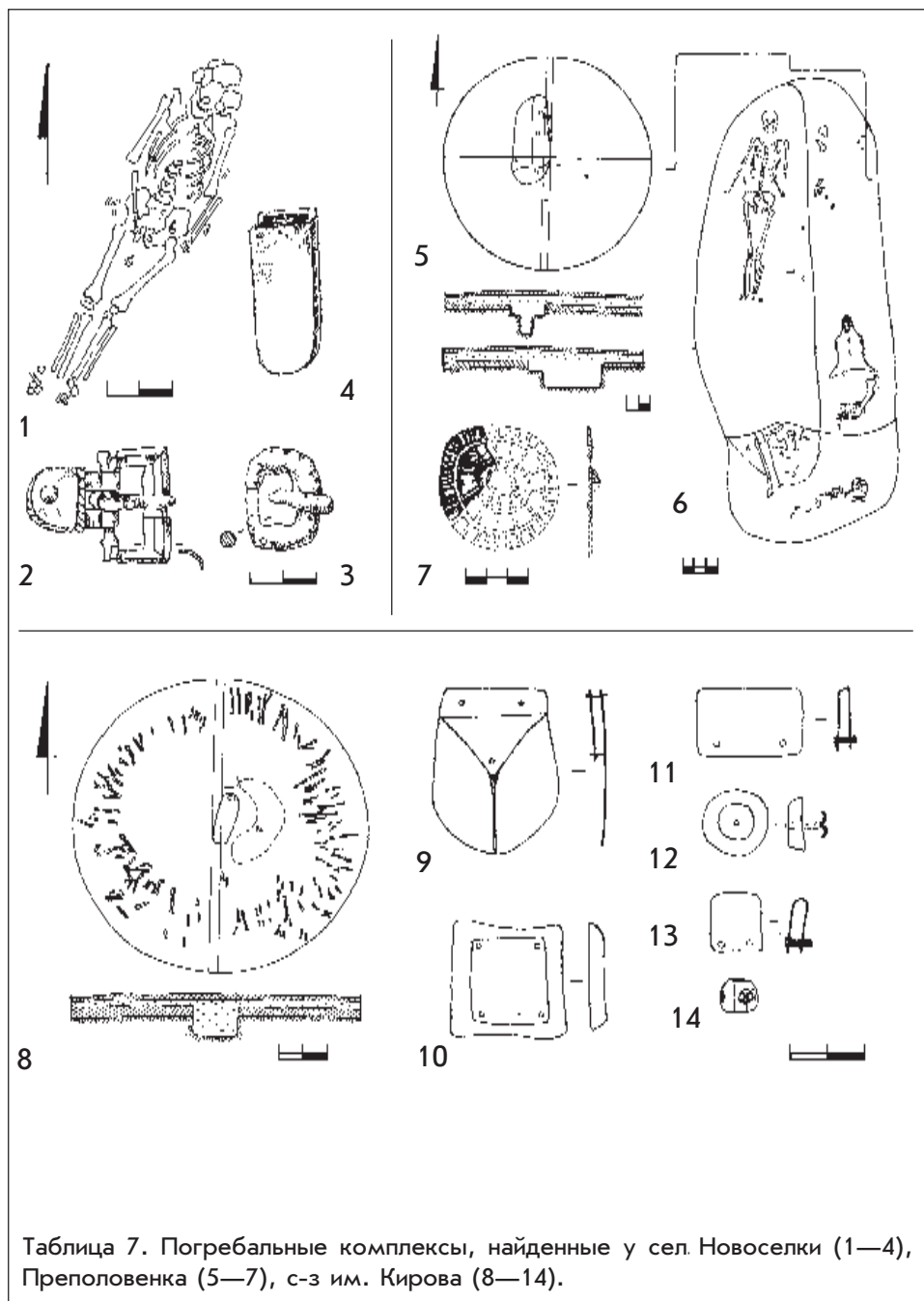

Таблица 7. Погребальные комплексы, найденные у сел. Новоселки (1—4), Преполовенка (5—7), с-з им. Кирова (8—14).